

Александр Ерёмко

ЭНТЕЛЕХИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ СОБЫТИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И НАРРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Целью данной статьи является определение критериев целостности исторического события.

Если рассматривать непосредственные хронологические рамки чистого события, события как такового, если учитывать лишь «чистое время» события, то напрашивается различие точечных и длительных событий. *Точечными* будем считать события, протекающие за время менее суток. *Длительными* будем считать события, протекающие за время более суток. *Цепью событий* будем считать последовательность точечных и длительных событий, в которой всякое единичное событие детерминируется предшествующим и детерминирует последующее.

Разумеется, различие длительных событий и цепей событий в некоторой мере условно. И те, и другие есть некоторые целостности внутри продолжающейся событийной целостности истории. В принципе, ничто не мешает нам мыслить, скажем, Тридцатилетнюю войну или Октябрьскую революцию как единые события. С другой стороны, при желании мы можем мыслить, скажем, Тридентский собор или Сталинградскую битву как цепи событий. Кажется, что от наших методологических установок и, так сказать, от пристальности нашего взгляда зависит определение данного исторического феномена либо как длительного события, либо как цепи событий. Ниже мы попытаемся показать, что в самой структуре исторического процесса могут быть найдены объективные основания для различения длительных событий и цепей событий. Различие между ними относительно, но это не значит, что оно вообще не существует.

Постараемся показать это, анализируя повествования о событиях бесхитростно нарративных историков древности. Для нашей цели они имеют особенную ценность именно вследствие их повествовательной манеры, простодушно концентрирующейся на событиях. Что же касается возможного возражения о том, что в таком случае мы будем анализировать не сами события, а принципы повествования древних историков, то на это мы ответим ниже.

С чего начинается собственно Платейская битва, битва как таковая? С прибытия Мардония к Асопу? С прибытия эллинов в Эрифры? С конной атаки Масистия? Или стычка у Эрифр вообще отдельное событие, а Платейская битва – это, собственно, атака Мардония на спартанцев и сражение афинян с фиванцами? И чем заканчивается битва? Взятием персидского лагеря? Или отступлением отряда Артабаза? Или спором эллинов о награде за наибольшую храбрость? Мы поймем, что эти

вопросы не принципиальны, когда осознаем, что, начиная с определенного момента, Геродот концентрирует внимание на действиях сухопутных войск эллинов и персов, игнорируя параллельно происходящие события. Наряду с передвижениями сухопутных войск происходили операции на море, в конце концов, завершившиеся битвой у Микале. Геродот сообщает, что эллинский флот отплыл к Делосу в гл. 132 кн. VIII. Возвращается он к этой линии повествования в гл. 90 кн. IX, после чего описывает битву при Микале. Чем же прерывается эта линия? Описанием всего, связанного с Платейской битвой. Но в это же время что-то продолжало происходить в Спарте, Коринфе, Фивах, на Саламине, куда вновь бежали афиняне. Геродот сообщает только о том, что так или иначе связано с битвой. В это время Ксеркс находился в Сардах, и там тоже что-то происходило, почему Геродот ничего не сообщает об этом?

Подобным же образом поступают и прочие историки-нарраторы. Описывая Сицилийскую экспедицию, Фукидид концентрирует внимание на событиях в Сицилии, лишь изредка отвлекаясь на события в Элладе, да и то, как правило, в связи с событиями в Сицилии. Можно сказать, что это потому, что в это время в Элладе не происходит ничего существенного – вся событийная энергия антагонистов сосредоточена на Сиракузах. Но возьмем описание Тацитом гражданской войны 68–69 г. г. Здесь нет единого центра событий: события происходят и в Риме, и в Галлии, и в Германии, и в Иудее, и в Сирии, и в Мёзии, и в Паннонии. Тацит как бы освещает лучом своего внимания все эти регионы. Но он перемещает этот луч лишь после того, как события, происходящие в данном регионе, достигают определенной завершенности. Дойдя в своем описании до момента этой относительной завершенности, Тацит переходит к описанию событий, происходящих в другом регионе.

Если рассказать сначала о Платейской битве, а затем о действиях флота и битве при Микале, это ни у кого не вызовет недоумения. Завершить ли рассказ взятием персидского лагеря, отступлением Артабаза или спором о награде – это уже детали, о которых можно спорить, но которые скрывают бесспорный факт: битва закончилась. Если же, рассказывая о Платейской битве, после фразы: “Мардоний бросил персидскую конницу в атаку на спартанцев”, – написать: “В это время флот Леотихида и Ксантиппа подошел к Микале”, – то это вызовет законное недоумение читателя. Автора такого нарратива не без основания обвинят в нарочитой драматизации повествования и в пристрастии к художественным эффектам.

Действительно, если бы это был роман о Греко-персидской войне, то писателя, прибегшего к такому приему, следовало бы похвалить за

профессионализм в построении сюжета. Историка же, прибегшего к такому приему, мы справедливо осудим за непрофессионализм¹. Почему так? Потому что во время атаки Мардония битва еще не закончилась – *это бесспорно*. Можно спорить о деталях: закончилась ли она взятием персидского лагеря или, скажем, отходом отряда Артабаза на безопасное расстояние – здесь историки могут достичь консенсуса. И еще большего, можно сказать, полного консенсуса они достигнут в том, что во время атаки Мардония битва не закончилась. *Наиболее бесспорным в истории является само наличие структурообразующих моментов события, а также их последовательность и их результат*. Находясь в здравом уме, практически невозможно возражать против того, что атака Мардония началась во время отхода эллинов к Острову, что Мардоний погиб, а атака захлебнулась. Если бы это было иначе, то персы выиграли бы Платейскую битву и последующая история потекла бы иным путем.

Теперь рассмотрим возражение о том, что мы анализируем способ повествования древних историков о событиях, а не сами реальные события и событийные цепи. Но это отнюдь не одно и то же, и недопустимо выводить закономерности развертывания событий из закономерностей построения нарратива о событиях. П. Рикёр подчёркивает связь истории с нарративностью. «В конечном итоге история не может совершенно отделиться от повествования, – отмечает Рикёр, – потому что она не может оторваться от действия, где есть действующие лица, цели, обстоятельства, взаимодействия и желаемые или нежелательные результаты» [5, с. 65]. Соглашаясь с данной мыслью, мы хотели бы обратить внимание на тот очевидный, даже тривиальный факт, что это означает, что и повествование (во всяком случае, историческое повествование) не может совершенно отделиться от реальной событийной истории. Причём, по нашему мнению, связь «от событий – к нарративам» является первичной, а связь «от нарративов – к событиям» является вторичной. Именно вследствие того, что в реальной событийной ткани истории стали образовываться цепи событий (возникновение каковых, собственно, и знаменовало начало истории), люди, наблюдавшие эти цепи, научились описывать их в связанных повествованиях, что означало возникновение сюжетности.

Анализируя интеллигентный характер интриги, Рикёр показывает, что интрига есть «посредник между событием и историей» [5, с. 63]. Из контекста видно, что под «историей» в данном случае понимается не реальная событийность, а повествование об этой событийности. По мнению Рикёра, всякое действие обретает свой смысл лишь внутри «истории», то есть «повествования». Чтобы быть началом, оно должно «зачинать» соответствующую историю; чтобы быть серединой, оно должно влечь за собой «поворот судьбы», то есть «перипетию»; чтобы оказаться

финалом, оно должно «завершать ход дела», «распутывать какой-то узел» и т. п. [5, с. 62–63].

Относительно нарративных функций события мы совершенно согласны с П. Рикёром. Но мы хотели бы выдвинуть несколько экстравагантную мысль: событие само по себе нарративно, нарративно вне зависимости от повествований о нём. *Событие как объективная реальность нарративно, точнее, оно есть возможность наррации.* Интрига именно потому оказывается посредником между событием и историей-повествованием, что в событии скрываются нарративные потенции. Пожалуй, неверно будет говорить, что реальная событийная история есть интрига. Но верной будет постановка вопроса об *объективных основаниях интриговости в исторической событийности как таковой.* Думается, трудно возразить против того, что, начиная с захвата Киром Лидии, судьбы эллинов и персов завязываются в единый узел, что Саламин и Платеи знаменуют собой перипетию в судьбе этих народов, а падение Персидской империи при Дарии III – развязку этой длительной истории-как-событийности. И мы обращаем внимание на то, что *эта* история изначально отнюдь не рассказывается словами (хотя и это имеет место), а вписывается деяниями великих исторических деятелей и людских масс в широкий контекст всемирной истории.

Итак, по нашему мнению, вполне допустимо, отгалкиваясь от повествований историков, делать выводы о реальных событиях. Разумеется, это следует делать весьма осторожно, привлекая специфические исторические методы критики и сравнения источников, но все-таки это можно делать. По нашему мнению, в общем и целом повествования историков-нарраторов отражают реальные события и цепи событий.

Нарраторы могут ошибаться в деталях, неправильно понимать смысл событий, преувеличивать незначительное и приуменьшать значительное, насыщать свой рассказ легендами и недостоверными вымыслами, но само наличие определенных событий, их последовательность и их результаты трудно исказить. Если некий историк сообщает, что полководец А в битве Н победил полководца Б, а после этого сообщает, что А отступил в город М, который был осажден Б, то, скорее всего, в битве Н победил полководец Б. И точно так же во всех прочих случаях. Мы обращаем внимание на то, что, рассуждая таким образом, мы неявно опираемся на закономерности более или менее вероятного в истории, которые не эксплицированы историками, но которые существуют объективно, независимо от закономерностей повествования о событии.

Не потому Платейская битва произошла так-то и так-то, что Геродот описал ее так-то и так-то, а потому Геродот описал ее так-то и так-то, что Платейская битва действительно произошла так-то и так-то. И то же

самое справедливо относительно всех прочих историков-нарраторов. *Реальные события в большей степени определяют способ повествования о них, чем определяются способом повествования.* (Анализ исторической наррации см. в работе А. Данто [4].)

И это верно настолько, что мы готовы объяснить отмеченную выше манеру повествования историков-нарраторов, при которой переход к происходящим одновременно в другом регионе событиям осуществляется только после описания завершенной цепи событий в данном регионе, с помощью следующей гипотезы. События как бы квантуют историческое время. В том месте, где происходит значительное событие, историческое время течет иначе, чем в бессобытийных местах исторического пространства. В каждом целостном событийно-условийном континууме историческое время течет по-своему. Не существует привилегированной системы отсчета для определения одновременности исторических событий в разных континуумах. Мы можем лишь с некоторой долей условности синхронизировать время события А, происходящего в событийно-условийном континууме Н, и время события В, происходящего в событийно-условийном континууме М. В точках интенсивной событийности как бы стягиваются потоки энергийных усилий актантов и тем самым как бы вносят “возмущения” в равномерное течение “обычного” времени.

По каким же признакам можно судить о том, что данное событие завершилось? *Данное событие следует считать завершившимся, если произошла смена исторического геистальта, если в результате него сложились новые условия (новое положение дел) и если усилия его актантов достигли своей энтелехии.* Что касается исторических геистальтов и исторической условийности,— то это отдельные, весьма обширные темы, требующие особого рассмотрения. Отметим лишь, что “геистальт” здесь следует понимать не столько в контексте идей геистальт-психологов, сколько в шпенглеровском смысле. Остановимся на энтелехии, тем более, что она, по нашему мнению, является важнейшим фактором конституирования единства события.

Понятие “энтелехия” принадлежит к числу наименее ясных у Аристотеля. Обычно оно толкуется как осуществление целенаправленного процесса, как реализация определенной возможности, поскольку она такова. Так, способность ощущать не есть нечто в действии (*energeia*), а есть сущее в возможности; она подобна горячему, которое не воспламеняется само собой, но нуждается в действующем (*entelecheia*) огне [1, с. 405 (417a 6–10)]. Энтелехия как действительность отличается Аристотелем от способности и возможности. Отношение между способностью и энтелехией таково, что, когда обладающий знанием

переходит к исследованию, он не изменяется, а переходит в более совершенное состояние и к энтелехии [1, с. 406 (417б 5–8)].

В то же время форма как энтелехия противостоит материи как возможности [1, с. 394 (412а 9–10)]. Душа есть энтелехия естественного тела. Здесь очень интересные пояснения: “Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. ...Поэтому как раскалывание [для топора] и видение [для глаза] суть энтелехия, так и бодрствование; а душа есть такая энтелехия, как зрение и сила орудия, тело же есть сущее в возможности” [1, с. 395–396 (412б 20–413а)]. Исходя из этого, получаем, что энтелехия есть деятельность, которая вытекает из сущности данного сущего, самоосуществляющаяся сущность данного сущего.

Аристотель различает движение как незаконченное действие и осуществление как действие, имеющее цель внутри себя. Цель похудения – худоба, поэтому худеющий находится в движении, которое не есть действие. “...Но если в движении заключается цель, то оно и есть действие. Так, например, человек видит – и тем самым увидел, размышляет – и тем самым размыслил, думает – и тем самым подумал...” [2, с. 242 (1048б 20–25)]. Неверно, что человек в одно время идет и уже сходил, строит дом и уже построил его, но верно, что некто увидел и видит, думает и подумал. Так вот, первые действия есть “движения”, а вторые – “осуществления” или собственно “действия” [2, с. 242 (1048б 29–30)].

Здесь возникают следующие вопросы: событийствование подобно похуданию или видению? Оно есть движение или осуществление? И что из них имеет энтелехиальную природу: движение или осуществление? Если Аристотель отличил действие от движения, что впоследствии он отличает осуществленность от деятельности: “Ибо дело – цель, а деятельность – дело, почему и “деятельность” (*energeia*) произведено от “дела” (*ergon*) и нацелено на “осуществленность” (*entelecheia*)” [2, с. 246 (1050а 21–23)]. Далее Стагирит рассуждает следующим образом: в одних случаях деятельность есть применение способности, например, видение есть применение способности зрения. В других случаях в результате деятельности возникает нечто, отличное от нее, например, дом как результат строительства. В первых случаях целью является сама деятельность, во вторых случаях целью является продукт деятельности. Поэтому в одном случае деятельность находится в том, что создается (например, строительство – в доме), а в другом, деятельность находится в том, *что* действует (например, видение – в том, кто видит) [2, с. 246–247 (1050а 24–1050б)].

Тогда получается, что энтелехия может быть и самой деятельностью как применением способности (в случае видения), и продуктом деятельности (в случае дома в его отношении к процессу строительства).

Но в любом случае энтелехия предполагает некую завершенность, некое осуществление возможности, и не просто возможности, а скорее внутренней сущности деятеля, каковая стремится воплотиться в действительность. Причем, эта завершенность может быть как в привычном для нас смысле продукта процесса (дом построен – строительство завершено), так и в несколько непривычном смысле продолжающегося процесса (глаз видит), – завершенность данного процесса заключается в том, что в видении глаз осуществляет свою сущность.

Таким образом, получаем, что энтелехия есть осуществленность действия, которое в принципе может быть завершенным либо в конечном продукте, либо в самом себе. Причем, это осуществленность такой деятельности, которая вытекает из сущности деятельного начала, а не привносится извне. Энтелехия – это осуществление такой цели, которая не навязана действующему началу извне, а которая обусловлена самой природой этого начала. Это некая деятельная и самоосуществляющаяся сущность. Поэтому энтелехия – это не просто действительность в ее противопоставленности возможности. Энтелехия – это такое действительное, которое является осуществлением деятельности некоторого сущего, причем, это такая деятельность, которую свободно и в соответствии со своей сущностью стремится осуществить данное сущее.

Исходя из сказанного, вернемся к вопросу: историческое событийствование – это энтелехиальная или неэнтелехиальная деятельность? И если энтелехиальная, то когда мы можем сказать, что данное событие достигло энтелехии? Это энтелехия типа видения или типа строительства? Если понимать событие как простую реакцию актанта на воздействие окружающей среды, то тогда событийствование неэнтелехиально. Думается, что такое понимание события является поверхностным. Событие есть такая реакция, но лишь отчасти. Причем, сущность события вовсе не в этом его аспекте. Во-первых, то, что является реакцией со стороны актанта А, является некой интенцией со стороны актанта Б, причем, это такая интенция, которая выражает сущность актанта Б. И на самом деле первична эта интенция, которая для Б является энтелехиальным действием, а не реакция А. Отражение эллинами персов есть их реакция на вторжение персов, но первичным здесь является интенция персов, которой они стремятся осуществить вытекающую из их сущности цель, т. е. энтелехию. И так же точно – во всех прочих случаях. Во-вторых, сама реакция актанта А также энтелехиальна, ибо у всякого актанта всегда есть минимальный выбор реакций, и выбрав ту или иную реакцию, он по-разному может осуществлять событийствование. Всякий актант реагирует на воздействие в соответствии со своей сущностью, и в этом реагировании он

осуществляет свою энтелехию. Эллыны яростно сражались с персами, хотя могли бы и покориться. И так же точно во всех прочих случаях. Поэтому событийствование энтелехиально.

Далее: когда актанта осуществил цель своих усилий, он прекращает событийствовывать (по крайней мере, он прекращает усилия данного событийствования) – и событие завершается. Отсюда видно, что событийствование подобно скорее строительству, чем видению. Подобно тому, как строитель, построив дом, уже не строит его (хотя он может приступить к строительству другого дома), также и актанта, добившись искомого положения дел, уже не событийствует (хотя он может начать осуществлять новые события).

И наконец, самое важное в контексте проблемы различения длительных событий и событийных цепей: каковы критерии энтелехиальной завершенности события? Очевидно, что событие тогда достигло энтелехии, когда осуществилась цель актанта, причем здесь важно не субъективное мнение актанта об осуществлении цели, а ее объективная осуществленность. Строитель может думать, что дом завершен, но если в доме обнаружатся огрехи, строителя заставят их устранить. Лишь тот дом является энтелехией строительства, который действительно завершен, который является совершенным воплощением деятельности строительства. Так же точно и с событием: важно не мнение актанта о достижении цели, а ее объективная осуществленность в результате события. Лишь то событие оказывается энтелехиальным, которое является совершенным воплощением деятельности событийствования. Относительно дома мы устанавливаем это, начиная в нем жить. Относительно события актанта устанавливает это, обнаруживая, что действует в новых условиях, и что эти условия соответствуют целям, которых он добивался в своем событийствовании. (Здесь, конечно, следует признать, что ни одно событие не достигает энтелехии в той же мере, в какой это возможно, скажем, для дома).

Мы видим, что, в конечном счете, достижение энтелехии означает примерно то же, что смена гештальта и складывание новых условий. Событие завершилось тогда, когда в его результате возникла новая историческая ситуация, когда сложились новые условия, отталкиваясь от которых можно осуществлять новые события, и когда более-менее адекватно реализуется цель событийника, вытекающая из его сущности. Можно сказать, что то, что для внешнего наблюдателя выглядит как смена гештальта и складывание новых условий, для самого актанта выглядит как достижение энтелехии.

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующее. Осуществлённый нами анализ структуры исторического процесса привёл нас к следующему выводу: событие энтелехиально на микроуровне

истории – на макроуровне истории оно энергично. Если прибегнуть к аристотелевской терминологии, то можно сформулировать следующее: в масштабах макроистории событийствование оказывается *незавершённой, бесцельной (точнее, не имеющей внешней цели) деятельностью-движением*. Впрочем, здесь мы переходим к довольно сложной диалектике завершённости-незавершённости в бытии вообще, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Примечания

¹ Здесь может быть выдвинуто довольно сильное возражение. Могут сказать: «Геродот постоянно отвлекается на всякие байки, не имеющие отношения к непосредственному ходу событий. Рассказывая о жертвах, приносимых эллинами перед битвой, он отвлекается на целый рассказ о судьбе прорицателя Тисамена. Затем он говорит об аналогичных жертвах персов – и тут обрушивает на нас настоящий триллер о судьбе другого прорицателя – Гегесистрата [3, с. 548–550 (IX, 33–37)]. Никакой концентрации на событии, внимание Геродота постоянно рассеивается. И то же самое мы обнаруживаем у других историков-нарраторов. Рационалистичный Фукидид, например, в разгаре повествования о Сицилийской экспедиции вдруг начинает рассказывать в целых шести главах о покушении Гармодия и Аристокитона [6, 383–386 (VI, 54–59)]». На это мы ответим следующее. Во-первых, отвлечения историков-нарраторов все же связаны с непосредственно описываемым событием, это, так сказать, отвлечения *a propos*; во-вторых, неумение древних историков сосредотачивать свое внимание на непосредственном ходе событий действительно свидетельствует об их недостаточном профессионализме (да простят нам Великие эти слова).

1. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4-х тт.– Т.1.– М., 1976.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт.– Т.1.– М., 1976.
3. Геродот. История. – М., 1999.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.
5. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995.
6. Фукидид. История. – М., 1999.